

УДК 332

Кустова Наталья Анатольевна

кандидат социологических наук,
директор, Волгоградский филиал Российского
экономического университета им.Г.В. Плеханова
milena.555@mail.ru

Дмитриева Ирина Сергеевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры
менеджмента и коммерции, Волгоградский филиал
Российского экономического университета им.Г.В. Плеханова
milena.555@mail.ru

Копылов Сергей Иванович

кандидат социологических наук, доцент кафедры
менеджмента и коммерции, Волгоградский
филиал Российского экономического университета им.Г.В. Плеханова
milena.555@mail.ru

Natalia A. Kustova

Candidate of Social Sciences,
Director,
Volgograd Branch of the Plekhanov Russian University of Economics
milena.555@mail.ru

Irina S. Dmitrieva

Candidate of Social Sciences, Associate Professor of the
Department of Management and Commerce,
Volgograd Branch of the Plekhanov Russian University of Economics
milena.555@mail.ru

Sergey I. Kopylov

Candidate of Social Sciences, Associate Professor of the Department
of Management and Commerce Volgograd Branch
of the Plekhanov Russian University of
Economics milena.555@mail.ru

**Направления предотвращения исключения людей
преклонного возраста из жизни социума**

**Directions to prevent the exclusion of elderly people
from the life of society**

Аннотация. В статье обоснована актуальность ознакомления с опытом преодоления негативных последствий старения населения в западных странах, которые столкнулись с данной проблемой несколько десятилетий назад. Реализуемые модели ориентированы на использование потенциала людей преклонного возраста, в частности, посредством их сохранения в сфере общественного производства. Авторами осуществлен анализ преимуществ и

недостатков разных путей предотвращения исключения людей преклонного возраста из жизни социума, которые сегодня переориентированы с исключительно теоретических исследований на возможности практической реализации.

Ключевые слова: люди преклонного возраста, старение населения, социальные ресурсы, социальный потенциал, теории старения, успешное старение, активное старение, ресурсный дефицит.

Annotation: The article substantiates the relevance of familiarization with the experience of overcoming the negative consequences of population aging in Western countries that faced this problem several decades ago. The implemented models are focused on using the potential of elderly people, in particular, through their preservation in the sphere of social production. The authors analyzed the advantages and disadvantages of different ways to prevent the exclusion of elderly people from the life of society, which today are reoriented from exclusively theoretical research to the possibility of practical implementation.

Key words: elderly people, population aging, social resources, social potential, theories of aging, successful aging, active aging, resource deficit.

Введение.

Существенное смещение возрастной пирамиды почти во всех странах мира в сторону роста удельного веса старшего населения не позволяет дальше игнорировать необходимость их финансового и социального обеспечения, а перспектива длительного профессионального использования людей преклонного возраста, хотя бы за счет отсрочки пенсионного возраста, выглядит слишком привлекательной с многих позиций, чтобы ею пренебрегать.

В XXI веке использование социальных ресурсов превращается в приоритетное направление, что гарантирует не только повышение уровня жизни, но и открывает возможности для самореализации, и в этом процессе ведущую роль способно сыграть именно старшее поколение и социально-возрастная группа, которая способна благодаря приобретенному социальному потенциалу не только решать собственные внутригрупповые проблемы, но и выступать локомотивом для других возрастных групп.

В России проблема старения в последние годы также обострилась. Пока что среди активных форм противодействия негативным последствиям этого процесса является увеличение пенсионного возраста. Конечно, российскиереалии отличаются от западных, но, в то же время, игнорировать опыт и стратегии, выработанные в западных странах в течение последних десятилетий, нельзя. В современной погоне за ресурсами потеря активности значительной и все увеличивающейся доли населения, как с социальной, так и с экономической позиций, выступают недопустимым расточительством, тем более, что, прежде всего, пренебрежение социальным потенциалом старшей возрастной группы «ударяет» именно по этой группе как зависимой от экономического положения общества.

Целью статьи является анализ преимуществ и недостатков различных направлений предотвращения исключения людей преклонного возраста из жизни социума.

Изложение основного материала.

Научные теории, связанные с реализацией возможностей людей старшего возраста, носят название «успешного старения» в Соединенных Штатах [1] и «активного старения» в Европе[2], отражают оптимум использования возможностей старшего возраста и возникли в противовес теоретическим представлениям о необходимости и неизбежности исключения старшего поколения из активной общественной жизни. Ресурсный потенциал людей преклонного возраста в них понимается как качественные характеристики индивида, значимые для него лично и такие, что дают возможность эффективно взаимодействовать с другими людьми, участвовать в социально-экономической жизни общества[3].

Поднимая вопрос старения, мы оказываемся перед несколькими плоскостями рассмотрения: во-первых, это возможности для улучшения самочувствия самой старшей группы; во-вторых, это необходимость повышения ресурсности этой группы, ибо увеличение доли людей преклонного возраста создает дополнительную нагрузку для молодого экономически активного населения. Рассмотрим, каким образом эти вопросы решают теории успешного и активного старения.

Первое направление: создание модели успешного старения.

Отправной точкой модели успешного старения является деятельность. На этапах жизненного пути по достижению преклонного возраста люди должны так управлять жизнью, чтобы избежать инвалидности и заболеваний и, таким образом, накопить резерв, поддерживая психические и физические возможности, способствующие продуктивному и социальному участию в обществе. Ключ к «успешному старению» здесь изначально виделся как продолжение деятельности в пожилом возрасте и сохранение ценностей, характерных для людей среднего возраста. Ученые разработали первоначальную модель успешного старения, куда включили три компонента:

- низкую вероятность заболевания и инвалидизации, связанной с болезнями;
- высокий уровень когнитивных и физических возможностей;
- активное взаимодействие с окружающей средой, в частности, в социальной сфере[3].

В США успешное старение стало точкой отсчета в дискурсах по старению, что способствовало отказу от рассмотрения преклонного возраста как неразрывно связанного с неизбежной последовательностью потерь. Это изменило основной фокус исследований от тех, кто страдает от заболеваний и инвалидности, к тем, кто с возрастом сохранил высокие показатели жизнедеятельности. Это также привело к смещению точки рассмотрения от тех, «кто плохо работает, к тем, кто хорошо работает»[4].

Успешное старение, следовательно, определяет приоритетность достижения клинических и медицинских критериев, тогда как социальные

аспекты (взаимодействие с жизнью) занимают самое низкое положение в иерархии успеха. Таким образом, модель успешного старения предполагает, что в стратегии политики по отношению к старению закладывалось создание установки в людях преклонного возраста относительно некоего идеала старения. В этой модели была переоценена распространенность пожилых людей, прошедших жизнь до старости без заболеваний, тогда как ряд исследований показательно свидетельствует, что достижение старости без плохого здоровья или инвалидности является как раз исключением[5].

Процессы определения и измерения успешного старения были довольно проблематичными, поскольку связывались, прежде всего, с тем, как люди старшего возраста должны стареть, а не с тем, с каких позиций они сами исходят, чтобы причислить себя к категории «стареющих успешно». В этом плане, по данным некоторых исследователей, даже, если люди преклонного возраста болеют или приобретают инвалидность, они не обязательно начинают причислять себя к тем, что стареют «неуспешно», и, наоборот, могут продолжать заниматься разными видами деятельности и субъективно чувствовать себя хорошо[6]. В то же время успешное старение является несколько индивидуалистической концепцией, поскольку не учитывает того, что изменения в жизни людей и в социальных структурах являются принципиально взаимозависимыми. Так, ряд ученых указывает на то, что различные способы улучшения жизни пожилых людей зависят от социальных вмешательств и мероприятий, включая обучение на протяжении всей жизни, политику противодействия дискриминации, досуга[7].

Второе направление: создание модели активного старения. Активное старение касается содействия обеспечению прав пожилых людей по сохранению здоровья, продления сроков трудовой деятельности (в перспективе - уменьшение пенсионных расходов), а также, участия в общественной и политической жизни. Однако, несмотря на распространенность, понятие «активное старение» не имеет четкого общепризнанного определения, обычно, его употребляют в значении «все для всех людей»[8].

Концепция активного старения начала развиваться в Европе в 90-х гг. XX в. с акцентом на связь, существующую между деятельностью и здоровьем. Она появилась в то время, когда проблема глобального усиления тенденции к старению привела к демонтажу традиционной концепции жизни, которая приравнивала фазу старости к бездействию. Дискурс активного старения фокусируется на поощрении участия пожилых людей в обществе и подчеркивает компетентность и знания, которые имеют пожилые люди. Наиболее распространенным является определение ВОЗ: «процесс оптимизации возможностей для здоровья, участия и безопасности с целью повышения качества жизни». Важно, что «активный» определен специалистами ВОЗ как «постоянное участие в социальных, экономических, культурных, духовных и гражданских делах, а не только способность быть физически активным или участвовать в трудовой деятельности»[9]. Эта перспектива дополнительно ставит под сомнение стереотипы пожилого возраста, созданные

на основе представлений о полной пассивности и зависимости старшего поколения, подчеркивая альтернативу автономии и участия.

Активное старение опровергает «парадигму упадка и потерь», которая обычно связана с последствиями физического ослабления и подчеркивает активную роль пожилых людей в обществе. Подобно успешному старению, понятие «активное старение» также подвергается критике. Например, существует опасность, что политики в процессе создания соответствующих программ, ориентированных на людей преклонного возраста, будут опираться на формальные признаки здоровья, переоценивая физическую активность, пренебрегая умственными способностями и творческой составляющей продуктивной модели активного старения[10].

Таким образом, необходимо оставлять место для альтернативного образа жизни и определения соответствующего образа жизнедеятельности. Даже наиболее ярые сторонники модели активного старения признают риск того, что подобный подход может приобрести принудительный характер, поэтому необходимо избегать навязывания общих положений «сверху вниз», а обращать внимание на специфику различных позитивных и негативных реалий жизни людей преклонного возраста. Ожидания относительно активного старения обычно формируются политиками и исследователями, поэтому возникает потребность в том, чтобы сами люди пожилого возраста более активно привлекались к определению роли активного старения в своей жизни.

В общем, модели успешного и активного старения отталкиваются от позиции увеличения ресурсного дефицита в современном мире, ориентируются на то, что люди пожилого возраста не покинут рядов рабочей силы в фиксированном возрасте и не променяют заработную плату на получение пенсий. Считается, что отстранение от трудовой занятости создает ситуацию, когда пожилые люди больше не находятся в социально определенном «продуктивном» секторе общества, что приводит к общей девальвации значимости пожилых людей.

Третье направление: отход от жестких детерминант и создание современной европейской модели старения. Параллельно с чисто теоретическим поиском происходила попытка создания модели старения «от практики». Эти попытки возникли в результате превращения старения в центральную проблему европейской политики в начале 1990-х годов, когда Еврокомиссия приступила к изучению влияния национальной политики на старение. Первое провозглашение на этом уровне ключевых элементов нового активного дискурса по старению было обозначено провозглашением Европейского года пожилых людей в 1993 г.

В политическом документе «На пути в Европу для всех возрастов» (ЕС, 1999) было провозглашено существование четырех проблем: снижение численности населения трудоспособного возраста; расходы на пенсионные системы; рост потребности в уходе; разнообразие ресурсов и рисков пожилых людей. Эти вызовы, в свою очередь, привели Еврокомиссию к четырем политическим выводам:

1) повысить уровень занятости в Европе (путем содействия непрерывному обучению, гибким рабочим механизмам и улучшению стимулов к работе);

2) улучшить политику социальной защиты и изменить тенденции досрочного выхода на пенсию;

3) поддерживать исследования, связанные с политикой в области здравоохранения и ухода за пожилыми людьми;

4) разрабатывать политику против дискриминации на рабочих местах и социальной изоляции[11].

«Европейский год активного старения и солидарности между поколениями» (2012) стал отправной точкой для внедрения комплексного подхода к активному старению. Однако хотя был выявлен ряд тем, самой важной оставалась занятость: целью было «способствовать созданию лучших условий труда для растущего числа пожилых людей в Европе, помочь им активно участвовать в общественной жизни и поощрять здоровое старение».

В целом, современное комплексное понимание «активного старения» базируется на трех компонентах: хорошее состояние здоровья пожилых, их занятость и активная жизненная позиция. Задача стратегии активного старения состоит в том, чтобы создавать богатые возможности, среду, максимально задействовать потенциал людей преклонного возраста и снизить их зависимость от семьи и государства. Активное старение затрагивает ряд сфер политики:

- содействие занятости и социальному обеспечению;
- снижение уровня бедности;
- улучшение состояния здоровья;
- повышение уровня благосостояния и тому подобное.

Актуализация внутреннего социального потенциала пожилых людей может происходить либо за счет институциональных усилий общества, либо за счет усилий самой группы. В оптимальном варианте эти два пути сочетаются. Однако это происходит только в случае изначальной довольно высокой ресурсности самой группы - соответствующего уровня здоровья, материального обеспечения и т.п., то есть, сохранения характеристик, присущих группе среднего возраста.

Выводы.

В России есть определенные предпосылки для увеличения удельного веса практик реализации социального потенциала старшей возрастной группы.

Во-первых, существует доля социально активных пожилых людей, хотя она относительно невелика по сравнению с пассивным большинством.

Во-вторых, есть наработки, которые могут стать зародышем развертывания массовых общесоциальных программ и движений.

Однако это не может опираться только на активность общественных организаций. Нужно участие государства, СМИ, и двигаясь по этому пути саморазвития, старшая социально-демографическая группа способна превратиться из «группы для себя» в «группу для общества», сочетая

удовлетворение собственных интересов с магистральными задачами общественного развития.

Литературы\References

1. Pruchno R.A., Wilson-Genderson M., Rose M., Cartwright F. *Successful aging: early influences and contemporary characteristics*// *Gerontologist*. 2010. Vol. 50(6). pp. 821-833.

2. Walker A. *Commentary: The emergence and application of active aging in Europe*// *Journal of Aging and Social Policy*. 2009. Vol. 21(1). pp. 75-93.

3. Depp C.A., Jeste D.V. *Definitions and predictors of successful aging: a comprehensive review of larger quantitative studies*// *American Journal of Geriatric Psychiatry*. 2006. Vol. 14(1). pp. 6–20.

4. McLaughlin S.J., Connell C.M., Heeringa S.G., Li L.W., Roberts J.S. *Successful aging in the United States: prevalence estimates from a national sample of older adults*// *Journals of Gerontology. Series B*. 2010. Vol. 65(2). pp. 216–226.

5. Lee P.L., Lan W., Yen T.W. *Aging successfully: a four-factor model*// *Educational Gerontology*. 2011. Vol. 37(3). pp. 210–227.

6. Chapman S. *Theorizing about aging well: Constructing a narrative*// *Canadian Journal on Aging*. 2005. Vol. 24. pp. 9-18.

7. Stenner P., McFarquhar T., Bowling A. *Older People and ‘Active Ageing’: Subjective aspects of ageing actively and becoming old*// *Journal of Health Psychology*. 2011. Vol. 16(3). pp. 467-477.

8. Walker A., Maltby T. *Active Ageing: A strategic policy solution to demographic ageing in the European Union*// *International Journal of Social Welfare*. 2012. Vol. 17. pp. 117-130.

9. WHO, *Active Aging: A Policy Framework*, WHO, Geneva, Switzerland, 2002.

10. Stenner P., McFarquhar T., Bowling A. *Older people and “active ageing subjective aspects of ageing actively*// *Journal of Health Psychology*. 2011. Vol. 16(3). pp. 467–477.

11. Fries J.F. *The Theory and Practice of Active Aging*// *Current Gerontology and Geriatrics Research*. 2012. pp. 1–7 doi:10.1155/2012/420637.